

Музыченко Д. С.

Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМА ОБЩЕГО И РАЗЛИЧНОГО В ЛИЧНОСТНОМ ПРОФИЛЕ АГРЕССОРА И ЖЕРТВЫ

Важной социальной и клинической проблемой является предотвращение детской агрессии и упреждение виктимизации личности. В мета-аналитическом обзоре зарубежных публикаций за период с 1980 по 2009 гг. исследователи отмечают [4], что акцент в изучении проблемы сместился к анализу буллинга как отличного типа агрессии, характеризующегося повторным и систематическим злоупотреблением властью. В дополнение к актам преднамеренной физической агрессии буллинг включает: словесную агрессию (навешивание ярлыков и угрозы), агрессию в отношениях (социальную изоляцию и распространение слухов), киберагрессию (обмен через текстовые сообщения и электронную почту пагубными сообщениями или изображениями). От 10 до 30 % детей и молодежи вовлечены в буллинг, хотя проценты распространенности значительно варьируются в зависимости от того, как буллинг измерялся. Отмечается, что буллинг возрастает во время периода обучения в средней школе. Кроме того, буллинг не изолированная проблема, уникальная для специфичных культур, а распространенная во всем мире, как свидетельствует большая база международных исследований. Общие проблемы буллинга отражены в российских [2] и белорусских исследованиях [3].

В связи с актуальностью проблемы виктимизации личности в подростковом и юношеском возрасте было предпринято исследование личностных диспозиций, чтобы прояснить механизмы формирования разных типов склонности к виктимному поведению [1]. Важно отметить, что, поскольку буллинг включает хулигана и жертву, долгое время исследователи имели тенденцию дихотомически относить детей в одну из этих двух взаимоисключающих групп. Современные исследования рассматривают третью группу хулиганов-жертв, одинаково участвующих в буллинге и подвергающиеся буллингу со стороны других. Подчеркивается, что для хулиганов-жертв существует больший риск неблагоприятной обстановки в долгосрочном прогнозе, нежели для хулиганов или для жертв [4]. В связи с этим, в рамках обсуждаемой проблемы, при сопоставлении личностных профилей разных типов склонности к виктимному поведению отдельное внимание было уделено агрессивному типу. Возможно, что именно хулиганы-жертвы, исходя из совокупности личностных черт, в большей степени закрепляют в опыте данный деструктивный тип виктимного поведения.

К предпринятому исследованию были привлечены учебные учреждения из разных районов города Минска: СШ № 9, 19, 135; 151, лицей № 3 машиностроения, колледж железнодорожного транспорта им. Е.П. Юшкевича. Выборку составили 199 испытуемых в возрасте 15 – 18 лет. Из них обработке подлежали данные 170 человек. Испытуемым были предложены тест-опросники: методика «Склонность к виктимному поведению» (О.О. Андронниковой), Фрайбургский личностный опросник FPI-V (модифицированная форма в разработке А. А. Крылова и Т. И. Ронгинской) и «Тест восьми влечений Сонди» в модификации Л. Н. Собчик (Метод портретных выборов). В качестве статистических методов использовались метод ранговой корреляции Спирмена и критерий Манна-Уитни.

Анализируя показатели виктимности выше нормы, следует отметить, что склонность к агрессивному поведению составляет 8,8 % и не является преобладающей среди прочих виктимных стратегий (склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению составляет 30,6 %; к гиперсоциальному поведению – 24,7 %; к некритичному поведению – 8,8%; к зависимому и беспомощному поведению – 5,3 %).

Среди выборов в группе агрессивных виктимных лиц подросткового и юношеского возраста наибольшую нагруженность имеет фактор «h» по тесту восьми влечений Сонди. В целом данный фактор соотносится с изначально недифференцированной формой межличностного притяжения, которое далее уже разделяется на персональную любовь и любовь к человечеству. Напряженность фактора свидетельствует о неразряженности соответствующей потребности. Их поведение характеризуется ростом тенденций «m+» ($r=0,735$ при $p=0,002$), стремлением к эмоциональной вовлеченности, поиску признания, потребностью принятия; при этом устанавливает обратную корреляцию с тенденциями «e+» ($r=-0,601$ при $p=0,018$), доброжелательностью, отзывчивостью, чувством собственной вины («инстанции совести»).

Такая модель поведения противостоит альтруистическому и сотрудничающему стилю взаимодействия с окружающими, проявления которого встречаются в других моделях виктимизации. Агрессивное виктимное поведение исключает конформность установок, отрицательно коррелирует с религиозностью. Согласно установленной отрицательной корреляции с реакцией «e+», склонность к реализации агрессивного типа виктимного поведения снижается с ростом избегания неудачи, превалирующим над мотивацией достижения. Нетипичность реакции на стресс в виде страха для агрессивных виктимных лиц подросткового и юношеского

возраста подтверждает предупреждения о дальнейших негативных последствиях для категории хулиганов-жертв.

«Реализованная виктимность» (опыт пребывания в роли жертвы) в данной группе взаимосвязана с выраженным «маскулинизмом» ($r=0,579$ при $p=0,024$). При этом виктимизация по данной модели поведения устанавливает взаимосвязи со снижением «общительности» ($r=-0,787$ при $p=0,001$), а также с возрастанием «застенчивости» ($r=0,593$ при $p=0,02$), «депрессивности» ($r=0,534$ при $p=0,040$), «интроверсии» ($r=0,685$ при $p=0,005$), то есть с невозможностью слияния с другими, сопричастности к группе. В целом была отмечена отрицательная корреляция модели с «возрастом» ($r=-0,574$ при $p=0,025$), из которой следует, что «реализованная виктимность» данного типа более характерна скорее для подростков, нежели для лиц юношеского возраста. Достаточно частое попадание в неприятные или опасные для здоровья и жизни ситуации здесь также отрицательно коррелирует с отказом от удовлетворения либидозных потребностей, любовью к человечеству, склонностью к гуманизации и культуре «h-» ($r=-0,514$ при $p=0,050$), образуя положительную связь с повышенной страстью к самодемонстрации и поиском признания «hy-» ($r=0,520$ при $p=0,047$).

Согласно статистически значимым различиям (по критерию Манна-Уитни) ряда черт личностного профиля склонных к агрессивному поведению от других типов виктимного поведения можно говорить об определенной специфике данного типа. Механизм образования внутренней диспозиции можно описать как внутренний конфликт: агрессивный тип поведения как неудача попыток интеграции, находящая отражение в провоцирующем поведении, стремлении к эмоциональной вовлеченности, поиску принятия, отсутствие которого, вероятно, является следствием виктимизации.

Сложность проблемы сравнения личностного профиля агрессора и жертвы состоит в том, что она не является открытой для исследователя. В предпринятом нами дополнительном пилотажном исследовании после ознакомления с информацией о буллинге значительное количество подростков и юношей оставили анкету об опыте насилия не заполненной, с готовностью выполнив другие методики. Экспертные оценки педагогов при отнесении ученика к агрессору или жертве во многом оказались ситуативными, что отражает их субъективность восприятия особенностей межличностных отношений в классах и учебных группах. Перспективу исследования данной проблемы следует искать в совершенствовании диагностических средств и процедуры исследования.

Литература

1. Музыченко, Д. С. Проявления склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрасте / Д. С. Музыченко // Proceedings of the 3rd European Conference on Education and Applied Psychology. (3rd International scientific conference, 28 July, 2014) «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2014.
2. Руденский, Е. В. Дефицитарная деформация личности подростка как нарушение процесса формирования характера/ Е. В. Руденский // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reed.in.ua/jurfak/87/1.php>. – Дата доступа: 25.03.2013.
3. Фурманов, И. А. Виктимизация детей в школьной среде / И. А. Фурманов [и др.] // Психология. – 2010. – № 3.
4. Cook, C. R. Predictors of Bullying and Victimization in Childhood and Adolescence: A Meta-analytic Investigation / C. R. Cook, K. R. Williams, N. G. Guerra, T. E. Kim, S. Sadek // School Psychology Quarterly. – 2010. – Vol. 25.